

УДК 343.211

О ВКЛАДЕ А.В. ГРОШЕВА В РЕШЕНИЕ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Александр ПАЩЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института изучения проблем преступности имени академика В.В. Сташиса
Национальной академии правовых наук Украины

SUMMARY

This article is devoted to the analyzes of the contribution of A.V. Groshev in the solution of a scientific problem of social conditioning of criminal and legal norm. It is considered the sentence scientists mechanism criminalization as a four-system interaction of the corresponding elements, as well as dedicated to its list of circumstances under which the criminal law should be recognized as effective in terms of legal awareness of citizens.

Key words: criminal responsibility, law on criminal responsibility, social conditionality, criminalization, legal awareness.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу вклада А.В. Грошева в решение научной проблемы социальной обусловленности уголовно-правовых норм. Рассмотрен предложенный ученым механизм криминализации как четырехуровневой системы взаимодействия соответствующих элементов, а также выделенный им перечень обстоятельств, при наличии которых уголовно-правовую норму следует признавать эффективной с точки зрения правосознания граждан.

Ключевые слова: уголовная ответственность, закон об уголовной ответственности, социальная обусловленность, криминализация, правосознание.

Постановление проблемы. Состояние исследования проблемы. Уголовное право должно соответствовать социальным реалиям [1, с. 3]. Проблема социальной обусловленности норм законодательства об уголовной ответственности относится к числу наименее разработанных в отечественной уголовно-правовой науке. Отдельные ее аспекты еще в советский период исследовались Г.А. Злобиным, П.С. Дагелем, И.А. Зинченко, И.А. Исмаиловым, Д.А. Керимовым, Н.И. Коржанским, А.И. Коробеевым, В.К. Матвийчуком, В.В. Ореховым, В.В. Похмелькиным, П.С. Тоболкиным, П.А. Фелеловым, В.Д. Филимоновым, С.Г. Чаадаевым и другими учеными. После провозглашения независимости Украины определенное внимание вопросам социальной обусловленности уделили Ю.В. Абакумова, Д.А. Балобанова, В.И. Борисов, Л.П. Брич, С.Б. Гавриш, С.В. Гизмичук, С.В. Гринчак, В.К. Грищук, А.В. Горностаи, Н.А. Гуторова, Д.П. Евтеева, В.П. Емельянов, В.И. Касынюк, С.М. Мохончук, В.А. Навроцкий, Н.В. Нетеса, А.М. Орлеан, А.Э. Радутный, А.А. Светличный, М.В. Семькин, П.В. Хряпинский, П.Л. Фрис и некоторые другие. Собственная система обстоятельств, при помощи которых можно определить социальную обусловленность уголовно-правовых норм-запретов, также предлагалась автором [2, с. 211–212].

Известно, что для качественного усовершенствования законодательства, необходимо учитывать историю решения соответствующего вопроса в науке. Интерес к проблемам социальной обусловленности закона, в том числе уголовного, возник в отечественном правоведении в начале 70-х гг. XX века. В эти годы ученые выделяли различное количество обстоятельств, подлежащих учету при решении указанного вопроса, а некоторые (Р.Р. Галиакбаров и В.И. Курляндский) прямо указывали на неисчерпаемость соответствующего перечня. Кроме того, правоведы по-разному именовали их, называя «критериями», «основаниями», «принципами», «факторами», «условиями», «пред-

посылками», «признаками» и т.д. Следует отметить также, что П.С. Дагель первым из отечественных криминалистов стал выделять понятие высшего уровня иерархии, которое состоит из групп факторов. На его взгляд, это «условия» или «основания». Качественный прорыв в решении проблемы был осуществлен Г.А. Злобиным и С.Г. Келиной, которые в научной статье «Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний» (1978 г.) впервые стали отдельно выделять «принципы», «основания» криминализации, а также криминализационные поводы [3, с. 107–109]. Позднее Г.А. Злобин предложил развернутую систему соответствующих принципов, однако монография, автором соответствующего раздела которой он был, вышла в свет в 1982 году, уже после смерти ученого [4, с. 210–242].

Как это ни парадоксально, но в начале 1980-х гг. в исследованиях проблемы социальной обусловленности уголовного закона наблюдался определенный застой. Никто из исследователей, творивших в указанный период, не только не развил приведенные идеи Г.А. Злобина и С.Г. Келиной, но даже не счел возможным разделить их. Относительно наименования обстоятельств, подлежащих учету при определении социальной обусловленности, а также их количества, единства в науке не наступило. Вместе с тем к позитивным приобретениям этого периода следует отнести выделение новых, ранее не известных, обстоятельств, а также попытки их систематизации. В это время, кроме П.С. Дагеля, уже и В.Д. Филимонов, а также В.Н. Кудрявцев выделяли понятия высшего уровня иерархии, образуемые группами факторов: на их взгляд, это «основания». Вторая половина 80-х гг. XX в. ознаменовалась определенным прогрессом в решении исследуемой научной проблемы (особенно сравнительно с первой половиной). Хотя в вопросах терминологии и количества необходимых факторов ученые к согласию так и не пришли, но был сделан обоснованный вывод, что в большинстве случаев формули-

ровать конкретные принципы криминализации теперь уже не приходится, так как большинство из них уже описано и сформулировано. Главную задачу правоведы того времени видели в том, чтобы построить рациональную и достаточную систему принципов криминализации, и, насколько это возможно, наиболее полно раскрыть содержание каждого принципа (фактора). Кроме того, в указанное время число сторонников необходимости выделения понятий высшего уровня иерархии пополнилось А.В. Кузнецовым, а о причинах криминализации отдельно писал Н.А. Беляев. Интересный путь решения проблемы был предложен Н.Б. Алиевым, который ввел в научный оборот понятие «правотворческая ситуация», а его содержание раскрывал через совокупность факторов. Но, в отличие от П.С. Дагеля, В.Д. Филимонова, В.Н. Кудрявцева и иных ученых, которые определяли понятие высшего уровня иерархии, опираясь на ранее установленные группы факторов, Н.Б. Алиев, наоборот, выделил понятие «проблемная правотворческая ситуация» (или «ситуация, порождающая закон»), а уже потом раскрыл его содержание с помощью отдельных факторов, то есть пошел обратным путем познания – «от общего к конкретному». Кроме того, Н.Б. Алиев писал и о принципах уголовного правотворчества, указывая, что это понятие шире по содержанию, чем «принципы криминализации».

Оценивая опыт 1970–1980-х гг., следует отметить, что практически все ученые обращались к анализу проблемы социальной обусловленности уголовно-правовых норм на общетеоретическом уровне, а не в связи с рассмотрением отдельных норм или институтов уголовного законодательства. Переход к предметным исследованиям произошел в начале 1990-х гг. В это же время наметились две тенденции в решении проблемы: первая группа ученых вела речь о криминализации (Л.П. Брич, С.Б. Гавриш, П.А. Кравченко, В.К. Матвийчук), другая – непосредственно о социальной обусловленности (В.И. Борисов, П.А. Воробей, И.А. Зинченко, Н.И. Мельник, В.И. Осадчий, В.Ю. Шестаков). Более обоснованным, на наш взгляд, является второй подход. Дело в том, что криминализация касается общественно опасных явлений, которые еще не нашли своего законодательного закрепления (запрета), в то же время обоснование необходимости существования (сохранения) уже существующих норм находится за пределами понятия «криминализация» и должно быть исследовано в рамках теории социальной обусловленности закона об уголовной ответственности. Позитивные наработки указанного периода состоят, прежде всего, в том, что: 1) В.К. Грищук сформулировал определение социальной обусловленности уголовно-правовой нормы, отдельно писал об основаниях криминализации (и также дал свое определение этого понятия), свойствах деяний, подлежащих криминализации, а также про критерии пределов криминализации; 2) В.И. Борисов обоснованно подчеркнул, что, исходя из различия в видах, характере явлений, детерминирующих уголовно-правовой запрет, факторы, которыми обосновывается существование (принятие) соответствующей нормы (группы норм), могут быть неодинаковыми как с точки зрения их количества, так и содержания каждого из них, а поэтому определение соответствующих факторов следует связывать с предметом исследования; 3) кроме того, В.И. Борисов сделал обоснованный вывод о том, что отдельные факторы, возможность исследования которых относительно определенного явления является теоретически допустимой, могут лишь в незначительной мере или самым об-

щим образом характеризовать уголовно-правовой запрет, а поэтому практическое использование их для пояснения необходимости существования (принятия изменения или отмены) определенных норм УК вряд ли является целесообразным; 4) И.А. Зинченко в 1990 г. впервые в истории отечественной уголовно-правовой науки (как тогдашней УССР, так и всего Советского Союза) проанализировала социальную обусловленность отдельного института Общей части уголовного права. Более подробно опыт предшественников был рассмотрен автором в предыдущих публикациях [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Интересной в плане анализа опыта исследователей минувшего времени, на наш взгляд, является докторская диссертация А.В. Грошева «Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования», где в числе иных затрагиваются аспекты социальной обусловленности уголовно-правовых норм. Потому целью этой статьи является анализ соответствующих положений указанной работы.

Изложение основного материала. Как верно отмечает А.В. Грошев, проводимые в стране экономические и политические преобразования и их криминогенные последствия требуют активизации фундаментальных уголовно-правовых исследований по всем направлениям уголовной политики, повышения их эффективности и практической значимости [13, с. 3]. Эффективность новых уголовных законов, указывает правовед, во многом зависит от того, насколько они адекватно отражают существующие общественные отношения и соответствуют определенным принципам и основаниям криминализации [13, с. 4–5].

Понятие криминализации, на взгляд А.В. Грошева, следует рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах: как процесс (механизм) и как результат установления либо отмены уголовно-правовых запретов. Ученый отмечает, что в основе криминализации и декриминализации в первом из названных аспектов лежит учет совокупности объективных и субъективных обстоятельств (факторов), позволяющих научно обосновать допустимость и целесообразность установления или отмены, расширения или сужения пределов действия уголовно-правовых норм. Определяя различные факторы криминализации, правовед констатирует, что простое обозначение этих факторов и их различные классификации мало что дают для познания сложного механизма принятия уголовно-правового запрета. Поэтому неудивительно, что зачастую целый ряд факторов криминализации при принятии нового уголовного закона попросту не учитывается, не проводится уголовно-правовое (криминологическое) прогнозирование эффективности его действия, не назначаются научные экспертизы законопроектов и т.д. По мнению исследователя, необходим наукоемкий и в то же время достаточно практичный механизм криминализации, который был бы не только воспринят общественным правосознанием, но и понятен законодателю. Отмечая, что он не претендует на освещение этой проблемы в окончательном виде, А.В. Грошев попытался сформулировать основные подходы к ее решению. При этом правовед указывает, что им учитывалась общая схема такого механизма, выработанная Г.А. Злобиным, и дополненная другими учеными (в основе которой, как отмечает исследователь, лежит взаимодействие основания и повода криминализации, их отражение в принципах криминализации и реализация посредством таких принципов в оптимальной модели уголовно-правовой нормы, при построении которой необходимо также учитывать крите-

рии криминализации, предложенные А.И. Коробеевым [13, с. 22]. Исходя из этого, механизм уголовного правотворчества представлен А.В. Грошевым как сложная структурно-функциональная система различных элементов (факторов) криминализации, в которой выделяются четыре основных уровня взаимодействия этих элементов, связанных по типу нисходящего одностороннего подчинения (каждый последующий уровень подчинен предыдущему). На первом уровне – уровне социальной обусловленности уголовного-правового запрета – выявляются различные социальные явления, относящиеся к общественному бытию и общественному сознанию и выступающие в качестве оснований криминализации. На втором – социально-прогностическом уровне – на основе социальных принципов криминализации определяется возможность и допустимость установления уголовного-правового запрета. На третьем – технико-юридическом уровне – посредством системно-правовых принципов криминализации определяются критерии криминализации и разрабатывается оптимальная юридическая модель уголовного-правовой нормы. Наконец, на четвертом, процедурно-законотворческом уровне, на основе специальных процедурных правил решаются вопросы принятия, опубликования и вступления в силу уголовного закона. Таким образом, заключает правоведа, на первом уровне механизма уголовного правотворчества *факторы криминализации принимают свойства (статус) оснований* уголовного-правового запрета на втором – социальных принципов криминализации; на третьем – системно-правовых (общеправовых и уголовно-правовых) принципов, а также критериев криминализации, на четвертом – действуют процедурные правила принятия уголовного-правовой нормы. Эти факторы криминализации, указывает ученый, образуют четырехзвенную иерархию, где каждый нижестоящий фактор подчинен вышестоящему и не может учитываться вне связи с последними. В конечном итоге, по мнению А.В. Грошева, проблема механизма криминализации сводится к полному определению количества факторов на всех уровнях этого механизма и алгоритмизации их действия [13, с. 23].

Из изложенного следует, что А.В. Грошев: 1) является сторонником традиционного подхода к определению криминализации: рассматривает ее как процесс и как результат, 2) акцентирует внимание, что это понятие охватывает как установление, так и отмену уголовно-правовых запретов, 3) указывает, что для познания сложного механизма принятия уголовного-правового запрета мало выявить влияющие на процесс криминализации факторы и классифицировать их. По мнению исследователя, необходим наукоемкий, и в то же время достаточно практичный механизм криминализации, который был бы воспринят общественным правосознанием и понятен законодателю; 4) в основу предложенной правоведем модели криминализации положена прогрессивная, на наш взгляд, идея отдельного рассмотрения поводов, оснований и принципов криминализации, предложенная Г.А. Злобиным. Вместе с тем ученый предлагает учитывать и критерии криминализации, выделенные А.И. Коробеевым, однако считаем необходимым заметить, что перечня соответствующих обстоятельств он не приводит. В то же время на называются условия эффективности уголовного-правовой нормы, которые, на наш взгляд, учитывая позицию исследователя, и являются такими обстоятельствами, о чем будет указано ниже; 5) механизм уголовного правотворчества рассматривается как сложная структурно-функциональная система различных факторов

криминализации, в которой ученый выделяет четыре основных уровня их взаимодействия: а) уровень социальной обусловленности уголовно-правового запрета, б) социально-прогностический уровень; в) технико-юридический; г) процедурно-законотворческий уровни; б) одни и те же обстоятельства одновременно, по мнению правоведа, взаимодействуют на различных уровнях, выступая при этом то основаниями, то социальными или системно-правовыми принципами, а также критериями криминализации. Здесь, на наш взгляд, А.В. Грошев отходит от идей, высказанных Г.А. Злобиным и А.И. Коробеевым, последователем которых он себя называет. Указанные ученые ничего не писали о необходимости рассмотрения соответствующих принципов на различных уровнях. Кроме того, представляется крайне сомнительным тезис о том, что одно и то же обстоятельство может выступать в качестве основания криминализации, ее социального, а также системно-правового принципа, и, кроме того, критерия. Исходя из определения этих понятий, данных Г.А. Злобиным и другими исследователями [14, с. 76; 15, с. 268–271; 16, с. 7; 17, с. 71–72] это видится невозможным. Следует также отметить, что на четвертом выделенном правоведем уровне, где решаются вопросы принятия, опубликования и вступления в силу уголовного закона, действуют, как он сам указывает, процедурные правила принятия уголовного-правовой нормы. В связи с этим нам крайне затруднительно представить, что факторы криминализации выполняют функцию процедурных правил. Это разные по своему содержанию понятия. А поэтому говорить о взаимодействии факторов криминализации на этом уровне, как это делает А.В. Грошев, на наш взгляд, не представляется возможным.

Применительно к предмету своего исследования, правоведа пишет, что в числе оснований криминализации особое место занимает общественное правосознание. Его активная роль в решении уголовно-правотворческих задач обосновывается, на его взгляд, тем, что, с одной стороны, правосознание отражает общественные потребности в уголовно-правовом регулировании конфликтных общественных отношений и обуславливает необходимость принятия новых, изменения действующих и отмену устаревших уголовных законов. Тем самым правосознание, познавая общественную опасность определенных деяний и требуя установления их уголовной наказуемости, выступает социально-психологическим основанием уголовно-правового запрета. С другой стороны, принятый уголовный закон оказывает обратное воздействие на общественное правосознание, которое оценивает его эффективность и выдвигает новые требования и предложения по его совершенствованию. Практика уголовного правотворчества наглядно подтверждает, что уголовный закон, не «впитавший» в себя положительные идеи общественного правосознания, противоречащий содержащимся в нем взглядам и представлениям, заранее обречен на неэффективность [13, с. 5]. Необходимость системного анализа правосознания в ряду других факторов криминализации обусловлена, по мнению А.В. Грошева, следующими моментами. Во-первых, правосознание в системе факторов криминализации занимает особое место. Оно отражает эту систему, оценивает другие факторы криминализации, определяет, какие из них являются основанием, обуславливающим принятие уголовного-правового запрета, а какие выступают поводами криминализации, опосредует механизм перевода общественных потребностей в уголовно-правовом регулировании в норму уголовного права [13, с. 23].

Во-вторых, само правосознание, взаимодействуя с другими факторами криминализации, играет неодинаковую роль на тех или иных уровнях (стадиях) правотворческого процесса. В-третьих, в правотворческом процессе задействованы различные уровни (формы) правосознания, которые также находятся в определенном взаимоотношении и взаимодействии. В-четвертых, принятая уголовно-правовая норма как результат процесса криминализации, в которой в той или иной степени воплощена система факторов криминализации, не действует изолировано от них. В частности, она связана с правосознанием системой прямых и обратных связей.

Таким образом, отмечает А.В. Грошев, все многообразие проявлений правосознания в механизме уголовного правотворчества имеет три основных значения: основание, критерий и цель криминализации. *Правосознание как социально-психологическое основание криминализации* представляет собой совокупность правовых идей и представлений, содержащихся в общественном правосознании, отражающих негативные процессы, происходящие в материальной и духовной сферах жизни общества, и обуславливающие конфликтность общественных отношений. Основное значение правосознания как основания уголовно-правового запрета, на взгляд ученого, состоит в том, что правосознание общества является носителем и выразителем вовне (в позитивной и негативной формах) определенной общественной потребности в уголовно-правовой регламентации конфликтных (криминогенных) общественных отношений. Позитивные правовые идеи и взгляды отражают эту потребность, а негативные элементы (дефекты правосознания), наряду с другими криминогенными факторами, детерминируют ее формирование. Названные элементы правосознания как основание криминализации (наряду с другими основаниями) учитываются законодателем при обосновании уголовно-правового запрета и предопределяют принятие решения о криминализации (декриминализации) определенного поведения. *Правосознание как критерий криминализации*, по мнению А.В. Грошева, представляет собой совокупность негативных свойств (дефектов) общественного, группового и индивидуального правосознания, детерминирующих тот или иной тип анти-социальной ориентации (установки) коллективного или индивидуального поведения, подлежащих учету при конструировании предусматривающей это поведение уголовно-правовой нормы [13, с. 24]. Исследователь подчеркивает, что современный законодательский процесс как раз предполагает учет деформированного правосознания как критерия криминализации деяний [13, с. 24–25]. Негативные тенденции в развитии общественного правосознания, обусловленные социально-экономическим кризисом общества, детерминировали появление новых форм преступности, ее организованность и профессионализм. Поэтому, наряду с позитивными уголовно-правовыми требованиями законопослушных граждан, эти негативные тенденции общественного правосознания предопределили необходимость усиления борьбы с такими формами преступности и явились критерием криминализации ряда организованных форм преступного поведения. В то же время, после принятия уголовно-правового запрета, правосознание, выступив основанием, а затем критерием криминализации, само становится объектом уголовно-правового воздействия. Вступивший в силу уголовный закон посредством регулятивной, превентивной и воспитательной функций, оказывает обратное формирующее воздействие на общественное

правосознание. Правосознание в таком значении не только входит непосредственно в систему факторов криминализации, но и является целью всего механизма уголовного правотворчества (тогда лучше не правосознание, а повышение уровня правосознания – А.П.) [13, с. 25].

На уровне уголовного правотворчества, как уже было отмечено, правосознание, как субъективный фактор криминализации, имеет три основных значения: основание, критерий и цель криминализации. В связи с этим оно выполняет общую правотворческую функцию, которая конкретизируется в гносеологической функции, нормативно-прогностической функции, функции правового моделирования и процедурно-законодательской функции [13, с. 10]. Первой стадии уголовного правотворчества, выделяемой исследователем, соответствует гносеологическая функция правосознания, второй – нормативно-прогностическая, третьей – правового моделирования, четвертой – процедурно-законодательская. [13, с. 26]. Общественная опасность как объективное свойство преступлений и преступности в целом рассматривается ученым как многогранная категория. Она отражает не только качественные (содержательные) и количественные свойства общественных отношений как объекта посягательства, но и социальную природу данных общественных отношений, их внутренние противоречия, лежащие в их основе общественные (классовые) интересы и потребности. Используя категорию «общественная опасность» А.В. Грошев попытался ответить на вопросы: во-первых, как обнаруживает себя потребность в уголовно-правовом регулировании общественных отношений, и, во-вторых, каким образом и в какой форме она отражается и познается общественным правосознанием. В связи с этим в понимании генезиса общественной опасности особое значение приобретает философская категория «противоречие». Структурно-функциональный анализ социального противоречия и различных форм его проявления позволяет прийти к выводу, что свойство общественной опасности является специфической формой (способом) возникновения и существования потребности в уголовно-правовом регулировании и способом ее познания законодателем. Именно в связи с формированием этой потребности и ее отражением в общественном правосознании можно говорить об общественной опасности как основании криминализации. Тем самым правосознание выполняет свою гносеологическую функцию [13, с. 26]. В результате ее осуществления в общественном правосознании возникают правовые идеи и представления об определенном поведении как полезном или вредном (опасном), и, соответственно, должном или требующем запрета [13, с. 26–27].

Указанные соображения А.В. Грошева относительно правосознания позволяют сделать следующие выводы: 1) ученый обосновывает особое место правосознания в числе факторов криминализации; 2) правосознание рассматривается и в качестве основания, и в качестве критерия, и в качестве цели криминализации. В связи с последним считаем необходимым заметить, что, исходя из приведенных выше четырех уровней взаимодействия факторов криминализации, правосознание логично было бы рассматривать также в качестве социального, а также системно-правового принципа криминализации (3-й уровень), а также процедурных правил (4-й уровень). Правовед совершенно справедливо, на наш взгляд, этого не делает, что свидетельствует о невозможности учета одного и того же обстоятельства на всех четырех уровнях и служит аргументом против

предложенного им механизма криминализации; 3) правотворческая функция правосознания подразделяется на гносеологическую, нормативно-прогностическую, правового моделирования и процедурно-законотворческую; 4) применительно к правосознанию категории «общественная опасность» корреспондирует его гносеологическая функция. При этом понятие общественной опасности раскрывается ученым при помощи философской категории «социальное противоречие».

Приведенные положения относительно механизма уголовного правотворчества и роли в нем правосознания позволили А.В. Грошеву заключить, что эффективной, с точки зрения правосознания граждан, будет уголовно-правовая норма, которая: а) адекватно отражает характер и степень общественной опасности деяния; б) полно (беспробельно) описывает характер общественно опасного деяния; в) точно формулирует пределы действия нормы; г) содержит ясное и понятное описание основных (конститутивных) признаков запрещаемого или предписываемого поведения; д) имеет внутриотраслевую (уголовно-правовую) и межотраслевую (общеправовую) непротиворечивость; е) имеет адекватную характеру и степени общественной опасности деяния санкцию. Далее ученый указывает, что все перечисленные свойства уголовно-правовой нормы в той степени, в какой они реализованы при описании запрета, позволяют субъекту более или менее точно воспринять цели этой нормы (волю законодателя) и руководствоваться ею в своем поведении [13, с. 28–29]. Указанные «свойства», на наш взгляд, и являются теми обстоятельствами, которые следует учитывать законодателю при проектировании новой уголовно-правовой нормы. Очевидно, что из этих обстоятельств первые пять характеризуют процесс криминализации. Кроме того, А.В. Грошев указывает, что при «старении» уголовно-правовых норм, их недостаточной социальной обусловленности, уголовное право может стать тормозом в развитии общественных отношений, вызвать их деформацию и появление качественно новых форм преступности. Это позволяет сделать вывод, что одним из факторов социальной обусловленности уголовно-правовых норм ученый считает их соответствие условиям жизни общества. При этом, рассматривая указанные «свойства» с точки зрения правосознания граждан, остается открытым вопрос: существуют ли какие-то иные условия эффективности уголовно-правовой нормы, не связанные с правосознанием? Речь идет о тех обстоятельствах, которые необходимо учитывать при конструировании соответствующих норм, но с точки зрения правосознания они принципиального значения не имеют.

В связи с изложенным в предыдущем абзаце А.В. Грошев находит безупречными некоторые приемы и методы законодательной техники, реализованные при разработке Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. В частности, им критически оценивается беспрецедентное увеличение число норм превентивного действия, содержащие квалифицированные и особо квалифицированные составы с множеством квалифицирующих признаков. К числу других проблем, возникающих при моделировании уголовно-правовых норм, по мнению исследователя, относятся: 1) проблемы коллизий в уголовном праве, 2) пробелов уголовно-правовых норм; 3) оценочных признаков уголовного закона; 4) законодательных приемов описания отдельных признаков составов преступлений; 5) соотношения в уголовном законе регулятивно-охранительных норм и норм, имеющих другую юридическую природу (например, так называемых «компромиссных» норм) [13, с. 29–30].

На основании проведенного анализа А.В. Грошевым были обоснованы предложения по усовершенствованию законодательства, среди которых следует выделить необходимость законодательного закрепления принципов (критериев) криминализации, а также определения и значения юридической ошибки [13, с. 11–12, 51–52].

Выводы. Подводя итог вкладу А.В. Грошева в решение проблемы социальной обусловленности закона об уголовной ответственности, на наш взгляд, следует отметить следующее:

- механизм криминализации рассматривается ученым как четырехуровневая система, в которой на различных уровнях одновременно взаимодействуют одни и те же факторы, выступая при этом на основаниями, то социальными или системно-правовыми принципами, а также критериями криминализации;

- к числу указанных уровней относятся: уровень социальной обусловленности уголовно-правового запрета, социально-прогностический, технико-юридический и процедурно-законотворческий уровни;

- перечня соответствующих факторов правовед прямо не называет. О его позиции относительно них можно судить по условиям эффективности уголовно-правовой нормы (с точки зрения правосознания граждан). Кроме того, ученый указывает на необходимость соответствия норм условиям жизни общества, что, на наш взгляд, также является обстоятельством, подлежащим учету при принятии решения об установлении (сохранении, отмене) таких норм. Представляется логичным, что, будучи ограниченным предметом своего исследования, каких-либо иных обстоятельств ученый не приводит;

- исследователь называет себя последователем Г.А. Злобина, хотя предложенный им механизм криминализации не в полной мере отвечает позиции указанного правоведа;

- приведенные соображения позволили А.В. Грошеву критически оценить некоторые приемы и методы законодательной техники, использованные при разработке Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г., выделить проблемы, возникающие при моделировании уголовно-правовых норм, а также сформулировать предложения *de lege ferenda*;

- правосознание как субъективный фактор криминализации, на взгляд А.В. Грошева, имеет три основных значения: основание, критерий, цель криминализации, и выполняет правотворческую функцию, которая подразделяется на гносеологическую, нормативно-прогностическую, правового моделирования и процедурно-законотворческую. Эти функции соответствуют четырем выделенным ученым стадиям механизма уголовно-правового регулирования;

- общественная опасность как многогранная категория отражает не только свойства общественных отношений как объекта посягательства, но и их социальную природу. Для понимания генезиса понятия общественной опасности правовед использует философскую категорию «социальное противоречие».

Изложенное позволяет заключить, что позитивные аспекты позиции А.В. Грошева с точки зрения развития теории социальной обусловленности состоят, на наш взгляд, в следующем: 1) предложена оригинальная идея механизма криминализации как четырехуровневой системы взаимодействия соответствующих элементов; 2) приведена система обстоятельств, при наличии которых уголовно-правовую норму следует признавать эффективной с точки зрения правосознания граждан; 3) высказана идея о необ-

ходимости законодательного закрепления принципов (критериев) криминализации, а также определения и значения юридической ошибки; 4) предложен подход к пониманию общественной опасности с помощью категории «социальное противоречие».

Указанные положения могут быть использованы при формировании современной теории социальной обусловленности закона об уголовной ответственности.

Перспективами дальнейших разработок в этом направлении является анализ позиций других правоведов, с целью выявления позитивного опыта, который может быть использован при создании методики криминализации общественно опасных деяний.

Список использованной литературы

1. Жалинский, А.Э. Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ : [монография] / А.Э. Жалинский. – М. : Проспект, 2015. – 400 с.
2. Пашенко О.О. Обставини, що визначають соціальну обумовленість охоронних кримінально-правових норм (законів про кримінальну відповідальність) / О.О. Пашенко / Актуальні проблеми кримінальної відповідальності : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 10–11 жовтня 2013 р. / Ред. кол. В.Я. Тацій (голов. ред.) та ін. – Х. : Право, 2013. – С. 210–213.
3. Злобин Г.А. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Г.А. Злобин, С.Г. Келина // Проблемы правосудия и уголовного права. – М. : Ин-т гос. и права АН СССР, 1978. – С. 106–109.
4. Основания уголовно-правового запрета : криминализация и декриминализация : [монография] / П.С. Дагель, Г.А. Злобин, С.Г. Келина и др.; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 304 с.
5. Пашенко О.О. Дослідження проблеми соціальної зумовленості кримінального законодавства в роботах радянських криміналістів 70-х рр. XX ст. / О.О. Пашенко // Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / Ред. кол. В.І. Борисов та ін. – Х. : Право, 2010. – Вип. 19. – С. 28–35.
6. Пашенко О.О. Питання соціальної зумовленості кримінального законодавства в роботах радянських правознавців першої половини 80-х рр. XX ст. / О.О. Пашенко // Проблеми законності : акад. наук. зб. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х. : Нац. юрид. акад. України, 2010. – Вип. 109. – С. 156–165.
7. Пашенко О.О. Вирішення проблем соціальної обумовленості законодавства про кримінальну відповідальність у радянській науці другої половини 80-х рр. XX ст. / О.О. Пашенко // Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / Ред. кол. В.І. Борисов та ін. – Х. : Право, 2011. – Вип. 22. – С. 54–66.
8. Пашенко О.О. Еволюція поглядів вітчизняних науковців стосовно проблеми соціальної обумовленості законодавства про кримінальну відповідальність впродовж 1970–1995 рр. / О.О. Пашенко // Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / Ред. кол. В.І. Борисов та ін. – Х. : Право, 2012. – Вип. 23. – С. 88–100.
9. Пашенко О.О. Питання соціальної зумовленості кримінального законодавства у працях радянських учених, що були опубліковані за межами України перед розпадом СРСР (1990–1991 рр.) / О.О. Пашенко // Проблеми законності : акад. наук. зб. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х. : Нац. юрид. акад. України, 2012. – Вип. 120. – С. 173–183.
10. Пашенко О.О. Дослідження соціальної обумовленості закону України про кримінальну відповідальність (перша половина 90-х рр. XX ст.) / О.О. Пашенко // Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / Ред. кол. В.І. Борисов та ін. – Х. : Право, 2012. – Вип. 24. – С. 117–132.
11. Пашенко О.О. Аналіз досліджень проблеми соціальної обумовленості закону України про кримінальну відповідальність (друга половина 90-х рр. XX ст.) / О.О. Пашенко // Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / Ред. кол. В.І. Борисов та ін. – Х. : Право, 2013. – Вип. 25. – С. 87–104.
12. Пашенко О.О. Щодо вирішення питання соціальної зумовленості закону про кримінальну відповідальність у працях О.В. Наден / О.О. Пашенко // Проблеми законності : зб. наук. праць / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х. : Нац. ун-т «ЮАУ ім. Я. Мудрого», 2013. – Вип. 123. – С. 186–198.
13. Groshov A.V. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.В. Грошев ; Уральск. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1997. – 61 с.
14. Злобин Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета / Г.А. Злобин // Сов. гос. и право. – 1980. – № 1. – С. 70–76.
15. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение : норма и патология : [монография] / В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 288 с.
16. Кузнецов А.В. Советская уголовная политика : понятие, принципы и основные направления / А.В. Кузнецов / Направления уголовной политики в борьбе с преступностью : меж. вуз. сб. научн. тр. / Ред. кол. Ю.А. Воронин (отв. ред.), В.П. Ревин, Т.М. Зайко, Ю.А. Туркинов. – Свердловск : Изд-во СЮИ, 1986. – С. 4–12.
17. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации : [монография] / Н.А. Беляев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 176 с.